

Yakiv Bystrov

Объектная организация биографического нарратива : типология референтных отношений

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 5, 231-239

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ОБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА: ТИПОЛОГИЯ РЕФЕРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Yakiv Bystrov

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
Киев, Украина
ybystrov@ukr.net*

Ключевые слова: *биографический нарратив, нарратор, объективная референция, когнитивная референция, асимметрия референтных отношений*

Рассмотрение биографического нарратива как текстово-дискурсивного образования позволяет осуществить его интегративный анализ в пределах современной когнитивно-дискурсивной парадигмы знания. Определение дискурса Н.Д. Арутюновой как связного «текста в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 2000: 136-137], дает основания предположить, что литературный биографический нарратив размывает внешние границы, разделяющие вымысел и реальность.

Мысль человека способна выходить за границы сущего и «рисовать» картины, которые можно квалифицировать как «реальность нереального». То, насколько приближены эти картины к действительности, или насколько они отдалены от нее, определяется когнитивным опытом человека и человечества в целом [Бабушкин 2001: 4]. В то же время, если соотношение истины и вымысла в литературном нарративе стало неотъемлемым, то вопрос о его референции все еще остается вне внимания исследователей.

Проблему референции художественного высказывания исследовали В.А. Миловидов [Миловидов 2014], референциальную специфику художественного текста изучала В.Ю. Клейменова [Клейменова 2012], референциальные стратегии были объектом интересов Н.В. Панченко [Панченко 2008], на важности исследования соотношения истинной и мнимой референций художественного текста настаивали Дж. Серль [Серль 1999] и Д. Льюиз, который мнимую референцию называет «кооперативной игрой воображения» и т.д. В частности, утверждение Д. Льюиза о том, что «каждый мир – это реальный мир для тех, кто

находится внутри его» [Lewis 1986: 182-189], дает возможность сделать определенные уточнения касательно соотношения вымысла и реальности.

Гипотезу исследования составляет тезис о том, что в основе возможного (альтернативного) мира, воплощенного в фикциональном мире произведения действуют такие же механизмы референции, как и в реальном мире.

В современной лингвистике под референцией понимают соотношенность языковых высказываний с действительностью [Кобозева 2000: 26]. Соответственно, референция нарратива (или фрагмента нарратива) означает его смысловую соотношенность с действительностью. Связывая текстовую референцию с понятием значения и смысла в логике и лингвистике, А.Г. Баранов [Баранов 1988] различает два вида референции: внутреннюю референцию (отношение когнитивного компонента текста к текстовому миру) и внешнюю референцию (отношение когнитивного компонента к актуальному миру). Мысль известного лингвиста о том, что референция текста раскрывает отношения субъектов текстовой деятельности, языка и мира, и есть способом «зацепить» текст за мир, перекликается с точкой зрения Е.В. Падучевой, которая считает, что «в случае вымышленного мира референтами языковых высказываний будут объекты и ситуации в вымышленном мире текста» [Падучева 1996: 244].

Принимая во внимание приведенные выше точки зрения на проблему референции текста, считаем, что референция нарратива имеет непосредственное отношение не только к действительности и ее отражения в сознании человека, но и к ментальной репрезентации модели вымышленного (возможного) мира, которую целесообразно считать когнитивной референцией. Следовательно, возможный мир нарратива можно считать референтным пространством, в котором языковые факты отражают реферированные объекты и состояния возможного мира нарратива (события, персонажи, иллюзии, воображение автора и др.).

Проблема слияния и пересечения вымысла и реальности в структуре нарратива дает основания для различения двойственной референтной соотношенности, а именно предметной референции нарратива (объектная соотношенность с реальным миром) и мыслительной референции нарратива (термин Н.А. Кобриной) [Кобрина 2000: 23]. В пределах референтной соотношенности воспоминания и память о прочитанном, увиденном, услышанном приобретают статус денотата путем вербализации в первую очередь лексических единиц, которые «референционно соотносятся с процессами и видами памяти, а также элементами языка, которые приобретают подобные значения в контексте, метафорами и метафорическими высказываниями» [Молчанова 2011: 7].

Феномен памяти, составляющий основу ментально-когнитивной деятельности человека, рассматривается как необходимый фактор, участвующий в процессах саморефлексии и самоидентификации личности в нарративе. Это же относится и к процессам, с помощью которых автор создает фикциональный мир и которые он применяет для создания реального мира, поскольку все миры являются результатом наших ментальных процессов, и, «все, что человек знает, воспринимает, помнит или представляет, приобретает значения, расположенные в его сознании» [Werth 1995: 183].

В биографическом нарративе, например, уровень авторской рефлексии над проблемой памяти очень высокий. С одной стороны, автор обнажает ненадежность памяти, заявляя о том, что правдиво будет изображать свои воспоминания:

Memory is identity. You are what you have done; what you have done is in your memory; what you remember defines who you are; when you forget your life you cease to be, even before your death [Barnes 2009: 140].

С другой стороны, постепенно, в многочисленных эпизодах автор опровергает это утверждение, намекая на «приблизительность» памяти, давая читателю основания для сомнений касательно содержания автобиографической памяти, иронически отсылая его к сравнениям с такими референтами, как вещами из камеры хранения, которые отдают после предъявления жетона или жизненно необходимыми продуктами из холодильника:

<...> it seems logical to think of our memories as stored in some left-luggage office, available for retrieval when we produce the necessary ticket; or, as goods left in one of the self-storage units now a feature of arterial roads [Barnes 2009: 37].

Введение в научный обиход М.-Л. Райан понятие фикционального рецентрирования (recentering) дает основания считать возможный мир проявлением реального мира, когда происходит временное перемещение параметров реального мира в сторону альтернативного возможного мира. Отсюда следует, что, согласно модели рецентрирования, результатом воспроизведения возможного мира является временный реальный мир и контрфактическая реальность (термин И.М. Колегаевой) [Колегаева 2009: 113], укорененные в фикциональном референтном пространстве биографического нарратива. Заимствовав из логики понятия доступности (accessibility) или так называемой логической доступности, М.-Л Райан [Ryan 1991: 33] предложила типологию доступных возможных миров (типов доступности), выводимых из реального мира.

Биографический нарратив как дискретная повествовательная структура используется для описания вторичной (фикциональной) реальности, в которой превалируют биографические цитации, реминисценции и интертексты. Среди других свойств нарратива можно назвать упорядоченность отдельных событий и явлений в определенную последовательность. При этом указывается на начальные и конечные пункты событий, которые происходят с человеком или вне его событий, дел и переживаний, на последствия действий и явлений, на цели или результаты, согласно которым отбираются факты, этому предшествующие [Ricoeur 1981: 286].

В рамках нашего исследования выделяем 5 типов асимметрии референтных отношений в биографическом нарративе:

- А. Асимметрия биографических фактов (полная / частичная достоверность).
- Б. Асимметрия диалогических отношений «нарратор – персонаж».
- В. Физическая асимметрия (физические состояния и объекты фикционального мира).

Г. Пространственно-временная асимметрия (место и время действия).

Д. Логико-семантическая асимметрия (композиционные особенности, течение событий и т.п.).

Проведенный анализ выборки, которая охватывает биографические и автобиографические романы, позволил определить ряд взаимосвязанных референтных несоответствий, в основе которых лежит когнитивный механизм инконгруэнтности, с помощью которого авторы погружают читателя в контрфактическую реальность биографического нарратива.

А. Асимметрия биографических фактов.

Не удастся избежать фикционального характера собственных воспоминаний главному герою автобиографического романа *Experience: a Memoir* Мартину Эмису, что свидетельствует о несоответствии критерия достоверности биографических фактов:

But there was another world, one I felt I could control and order – which was fiction [Amis 2000: 36].

Призрачные попытки поиска подлинного попугая (референтного объекта), что равно поискам объективного прошлого в биографии Гюстава Флобера не только не увенчались успехом, но свидетельствуют о невозможности понять прошлое и несерьезности таких попыток, следовательно, соответствуют постмодернистской стратегии интерпретации исторических фактов:

How do we seize the past? Can we ever do so? People fell over trying to grasp it, and were made to look ridiculous in the process [Barnes 1990: 14].

Б. Асимметрия диалогических отношений «нарратор – персонаж».

Структуралистское понимание нарратива как хода событий, объединяющие темпоральные и каузальные связи, пошатнули представители когнитивной нарратологии (работы М. Флудерник, Д. Герман, Д. Кон), отстаивая тем самым совокупность опыта (experientiality) определенного персонажа в фиктивном мире и вместе с тем его фикциональное сознание, где превалируют эмоции, мысли, желания и переживания. Современные нарратологические студии констатируют отсутствие внимания к персонажу с позиции структуралистской нарратологии. Вместо этого появляется потребность привлечения понятия персонажа к лингвистическому контексту современной когнитивной науки, учитывая приоритетность изучения словесно-мыслительного опыта человека и его нарративизации (narrativity).

Проблема соотношения позиций я-автора и я-персонажа остро стоит в тех нарративах, где главный персонаж имеет одно и тоже имя, что и автор. Более того, возникает своеобразный диалог или «система диалогов» (по М.М. Бахтину) между авторским «я» настоящим и «я»-нарратором из прошлого. Нет никаких сомнений в том, что первые сорок страниц автобиографического романа *Lunar Park* Брета Истона Эллиса вполне соответствуют реальным фактам из жизни автора. Однако дальнейшие многочисленные события в романе проис-

ходят далеко не в соответствии с настоящей биографией реального автора, сомнения и мысли которого постепенно переносятся в фикциональное прошлое. Нарратор-персонаж настаивает не на необходимости изучения последовательности событий, а стремится передать, в первую очередь, эмоциональное состояние сознания (феномен травмы) от пережитых событий:

I've recounted the "incidents" in sequential order. Lunar Park follows these events in a fairly straightforward manner, and though, this is, ostensibly, a true story, no research was involved in the writing of this book. <...> **Retelling this story has taught me that Lunar Park could have happened anywhere. These events were inevitable, and would have occurred no matter where I was at that particular moment in my life.**

<...> Regardless of how horrible the events described here might seem, there's one thing you must remember as you hold this book in your hands: all of it really happened, every word is true.

And now it's time to go back into the past [Ellis 2006: 39-40].

Иногда авторским изображением несоответствия между романом (a novel) и романтическим планом повествования (a romance) подчеркивается роль не исторической правды, а наоборот, – поэтической и мнимой правды как одной из возможных форм приобретения знаний в процессе составления биографий:

She wants to write a fairy Epic, she says not grounded in historical truth, **but in poetic and imaginative truth where the soul is free of restraints of history and fact** [Byatt 1991: 373].

Изображение вымышленного дня из жизни Вирджинии Вулф в романе Майкла Каннингема *The Hours* наделено многочисленными реминисценциями и автор точно указывает на источник, отвечающий действительности:

I have tried to render as accurately as possible the outward particulars of their lives as they would have been on a day I've invented for them in 1923 [Cunningham 1999: 229].

Однако, сама писательница в процессе создания своего романа «Миссис Деллоуэй» сомневается, достаточно ли одного осеннего дня 1923 года для изображения истории жизни своей героини:

But can a single day in the life of an ordinary woman be made into enough for a novel? [Cunningham 1999: 69].

В. Физическая асимметрия.

Нетрадиционная интерпретация действительности, на которую влияют далеко не хронологические события биографии, а скорее совершенно отличные от реальных физические законы, свидетельствует о наиболее полном отражении авторской когнитивной стратегии. В результате, актуализируются наиболее важные физические состояния повествователя / персонажа фикционально-

го мира – творчество, жизнь, трагедия, смерть, воскресение, процесс умирания, страх и одержимость смертью, которые ассоциируются с реферируемыми реальными объектами живой и неживой природы, и которые наделены новыми, необычными свойствами, например изображением признаков смерти и страха смерти:

People say of death, ‘There’s nothing to be frightened of.’ They say it quickly, casually. Now let’s say it again, slowly, with re-emphasis. ‘There’s **NOTHING to be frightened of**’ [Ellis 2006: 99].

<...> Zola’s definition of une belle mort – **to be crushed suddenly, like an insect** beneath a giant finger. And it is true as far as it goes [Ellis 2006: 98].

The Anglo-Saxon poet compared human life to **a bird** flying from darkness into a brightly lit banqueting hall, and then **flying out into the dark on the farther side** <...> [Ellis 2006: 112].

Death followed by **resurrection: ‘tragedy with a happy ending’** [Ellis 2006: 130].

As **death** approaches one smells of **fish** [Ellis 2006: 204].

В романе Дж. Барнса *Flaubert’s Parrot* физическое несоответствие проявляется в поисках попугая как символа голоса автора (‘the flattering elusive writer’s voice’), что в дальнейшем кажется только иллюзией:

<...> in this unexceptional green parrot, preserved in a routine yet mysterious fashion, was something **which made me feel I had almost known the writer** [Barnes 1990: 16].

Кроме того, Дж. Барнс вводит в биографический нарратив актуально недостоверные и противоречивые референты, которые нарушают принципы физической совместимости. Несколько глав романа посвящены наблюдением рассказчика за гротескной индивидуальностью Флобера, который предстает перед читателем в виде медведя, верблюда, овцы, или попугая и т.д., заставляя читателя сделать собственный выбор в отношении к образу писателя.

Г. Пространственно-временная асимметрия (место и время действия).

Пространственно-временные несоответствия в биографическом нарративе могут влиять на изображение достоверных фактов. В частности, предполагается, что исторические доказательства и свидетельства, а тем более хронология событий в жизни Флобера, помогают убедиться в достоверности биографии писателя. Однако в разделе *Chronology* (роман Дж. Барнса *Flaubert’s Parrot*) Брейтвейт предлагает три различные хронологии жизни Флобера (хронологическое несоответствие): в первой рассказывается об успехах Флобера, во второй – о его неудачах, разочарованиях и смерти, а третий хронологический период содержит автобиографические цитаты из дневника и личной переписки.

Смещение темпорально-локативной модуса находит свое выражение в романе М. Каннингема *The Hours*, в котором, с одной стороны, события происходят в разных пространственно-временных плоскостях, а с другой, – четко разграничиваются реальный (настоящее) время событий и воспоминания персонажей, изложенные в прошедшем времени.

В романе изображен своеобразный треугольник женских образов, в котором хронологически переплетены нарративы-импровизации – жизненные истории трех персонажей:

- 1) история писательницы Вирджинии Вулф, в которой рождается замысел романа о миссис Делловой в 1923,
- 2) домохозяйки Лауры Браун, проживающей в Калифорнии (1949) и которая пытается найти время для прочтения романа Вулф;
- 3) Клариссы Воган (прямо пропорциональна подобию образа Клариссы Делловой), жительницы Нью-Йорке конца XX века.

Три характера, три ипостаси женского бытия (одна не является копией другой) одновременно находятся в разных плоскостях действительности (реальной, трансформированной и вымышленной) и разных темпоральных отношениях, что свидетельствует о нарушении хронологической однородности и соответствия месту действия.

Например, нарушения и даже отсутствие хронологической непрерывности изложения собственной биографии в романе *Experience: a Memoir* соответствует ходу мыслей Мартина Эмиса, локусом которых есть его подсознание, «the place in the unconscious where my novels come from» [Amis 2000: 7]. Вместе с тем, писатель, концептуализируя тот или иной фрагмент действительности для описания и характеристики, наполняет его собственным восприятием реальных бытия. Таким образом конструируется и формируется «новая реальность», возможный мир биографического нарратива.

Д. Логико-семантическая асимметрия.

В другом романе А. Байетт *The Biographer's Tale* нарушения логической однородности могут быть обусловлены сложной композицией жанра биографии и авторской/персонажной интерпретацией биографической одержимости (possession) в процессе изложения биографических фактов и деталей, которые могут быть как реальными, так и вымышленными. Следовательно, вымышленный (возможный) мир постмодернистской эпохи, в котором прослеживается очевидная игра, неопределенность, неточные факты, автор биографии называет реальностью:

I had avoided the trap of talking about 'reality' and 'unreality' for I knew very well that postmodernist literary theory could be described as a reality. People lived in it [Byatt 2001: 4].

Нарушение логического соответствия наблюдаем в заимствовании нарратором методов и приемов чужого стиля письма, где повествователь сбивается на повторах, одновременно признавая фикциональную (вымышленную) сущность биографии. Поэтому вполне закономерной представляется несостоятельность нарратора объективно изображать жизнь писателя, высказывая предположения и гипотезы, однако уже с большей долей уверенности:

I have to hypothesise a little. I have to fictionalise (though that's not what I meant when I called this a pure story). So **I have to invent my way to the truth** [Barnes 1990: 165].

Таким образом, биографические нарративы, проникая в текстуальную ткань романа, принимают непосредственное участие в конструировании контрфактической реальности и различных альтернативных вымышленных миров, а объектная организация нарратива обеспечивается отношениями референтной доступности, в основе которой лежит когнитивный механизм инконгруэнтности. Согласно теории рецентрирования фокус биографической наррации смещается от предметной референции (реального факта и исторической правды) в сторону соотношений внутритекстовых связей и экстралингвистического контекста, в основе которых заложена двойственная референтная отнесенность. Эта идея не противоречит утверждению Д. Льюиза о том, что «каждый мир – это реальный мир для тех, кто находится внутри него» [Lewis 1986: 182-189], а наоборот, лишней раз доказывает амбивалентность биографического нарратива и невозможность постижения истины о биографическом прошлом, а только приближение к ней через многочисленные переосмысления и гипотезы.

Библиография

- Арутюнова Н., 2000, *Дискурс*, [в:] *БЭС: Языкознание*, Москва.
- Бабушкин А., 2001, “Возможные миры” в семантическом пространстве языка, Воронеж.
- Баранов А., 1988, *Текст, текстовый модуль, номинация*, [в:] Лингвистические единицы разных уровней в языке и речи, Краснодар.
- Клейменова В., 2012, *Лжет ли художественный текст?*, „Известия Уральского федерального университета”, Сер. 2. Гуманитарные науки, № 1 (99).
- Кобозева И., 2000, *Лингвистическая семантика*, Москва.
- Кобрин Н., 2000, *Язык как когнитивно-креативная деятельность*, [в:] *Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка*: сборник статей, Санкт-Петербург.
- Коллегаева И., 2009, *Темпоральный сдвиг как прием остранения в жанре научной фантастики*, „Записки з романо-германської філології”, Одеса, Вып. 24.
- Миловидов В., 2014, *Художественное высказывание: проблема референции*, Тверь, rgf.tversu.ru/node/560 (10.10.2014).
- Молчанова А., 2011, *Языковая концептуализация феномена «память» в текстах автобиографий (на материале немецкого языка)*: автореф. дис ... уч. ст. канд. филол. наук, спец. 10.02.04 «Германские языки», Калининград.
- Падучева Е., 1996, *Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива)*, Москва.
- Панченко Н., 2008, «Власть референции» в процессе композиционного построения художественного текста, „Филология и человек”, № 1.
- Серль Дж., 1999, *Логический статус художественного дискурса*, „Логос”, № 3.
- Amis M., 2000, *Experience: A Memoir*, New York.
- Byatt A.S., 2001, *The Biographer's Tale*, London.
- Byatt A.S., 1991, *Possession: A Romance*, London.
- Barnes J., 1990, *Flaubert's Parrot*, London.
- Barnes J., 2009, *Nothing To Be Frightened Of*, London.

- Cunningham M., 1999, *The Hours*, London.
Ellis B.E., 2006, *Lunar Park*, New York.
Lewis D., 1986, *On the Plurality of Worlds*, Oxford.
Ricoeur P., 1981, *Hermeneutics and Human Science: Essays on Language, Action and Interpretation*, Cambridge.
Ryan M.-L., 1991, *Possible Worlds, Artificial Intelligence and Narrative Theory*, Bloomington.
Werth P., 1995, 'World enough, and time': *Deictic Space and the Interpretation of Prose, Twentieth-century Fiction. From Text to Context*, London & New York.

Summary

Objective scope in English biographical narrative: typology of referential relations

The article deals with the formation of objective potential of English biographical narrative using the notions of the referential capacity of the narrative and the asymmetry of referential relations. The hypothesis is that the possible world embodied in fictional world of the narrative is based on the mechanisms of reference similar to that of the real world. The problem of truth-fiction manifestations in biographical narrative gives rise to the twofold referential relatedness which is revealed through objective reference and cognitive reference. In this research, five types of the asymmetry of referential relations are singled out: (a) asymmetry of biographical facts, (b) asymmetry of dialogic relations "narrator-character", (c) physical asymmetry, (d) spatial and temporal asymmetry, and (d) logic and semantic asymmetry.

Key words: *biographical narrative, narrator, objective reference, cognitive reference, asymmetry of referential relations*